

Научная статья

УДК 910.1

<https://doi.org/10.37493/2308-4758.2025.2.4>

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДАНО-САХЕЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Илья Павлович Супрунчук^{1*},
Галина Николаевна Жиренко²,
Анна Анатольевна Савченко³

^{1,2,3} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ ilia_suprunchuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5106-187X>

² gzhirenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5115-4726>

³ a.savchenko200383@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0007-7461-5365>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация.

Статья посвящена исследованию стран Судано-Сахельского региона и процессов развития терроризма на его территории. На страновом уровне предпринимается попытка изучения террористической деятельности и факторов, которые ее обуславливают. Временными рамками исследования является весь период независимого существования стран региона, берущий свое начало еще в начале 1960-х гг. Определен ряд социально-политических проблем и противоречий, формирующих современную политическую нестабильность и геостратегическую значимость Судано-Сахельского региона. В работе подробно рассматривается влияние группы этнодемографических факторов на террористическую деятельность. Главными их аспектами выделены динамика и тип воспроизводства населения, структура и особенности систем расселения, этнический состав населения и его мозаичность. В дополнении к этому, анализировался генезис и развитие социально-политических конфликтов в странах сахельского региона, определенные этими факторам. В статье на основе собранных статистических данных, представленных количеством террористических актов и их жертв, о террористической деятельности в странах Судано-Сахельского региона исследуется динамика терроризма в регионе – выделены периоды его развития, определены произошедшие пространственно-временные сдвиги и изменения. Определено современное место региона в общемировых тенденциях развития терроризма, выявлены ведущие страны, тер-

террористические организации и очаги конфликтов, влияющие на терроризм в Сахеле. В рамках изучения региональных особенностей террористической деятельности, с помощью картографического метода и инструментов пространственно-временного анализа, были выделены конкретные территориальные центры терроризма, а также состоящие из них террористические кластеры – Чадский, Центральный, Восточный, Прибрежный, Туарегский, Дарфурский и Южно-Суданский.

Ключевые слова: террористическая деятельность, терроризм, Африка, Судано-Сахельский регион, этно-демографические факторы, национальная безопасность, политические конфликты

Для цитирования: Супрунчук И. П., Жиренко Г. Н., Савченко А. А. Этнодемографические факторы развития террористической деятельности в Судано-Сахельском регионе // Наука. Инновации. Технологии. 2025. № 2. С. 81–112. <https://doi.org/10.37493/2308-4758.2025.2.4>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025;
одобрена после рецензирования 25.04.2025;
принята к публикации 19.06.2025.

**1.6.13. Economic, Social, Political and Recreational Geography
(Geographical Sciences)**
Research article

**Ethnodemographic factors of terrorist activity
development in the Sudan-Sahel region**

**Ilya P. Suprunchuk^{1*},
Galina N. Zhirenko²,
Anna A. Savchenko³**

^{1, 2, 3} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ ilia_suprunchuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5106-187X>

² gzhirenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5115-4726>

³ a.savchenko200383@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0007-7461-5365>

* Corresponding author

Abstract.

The article studies the countries of the Sudan-Sahel region and the processes of terrorism development on its territory. At the country level, an attempt is being made to study terrorist activity and the factors that cause it. The time frame of the study is the entire period of the independent existence of the countries of the region, dating back to the early 1960s. A number of socio-political problems and contradictions that form the current political instability and geostrategic significance of the Sudan-Sahel region have been identified. The paper examines in detail the influence of a group of ethnodemographic factors on terrorist activity. Their main aspects are the dynamics and type of reproduction of the population, the structure and features of settlement systems, the ethnic composition of the population and its mosaic. In addition, the genesis and development of socio-political conflicts in the countries of the Sahel region, determined by these factors, were analyzed. Based on the collected statistical data provided by the number of terrorist acts and their victims on terrorist activities in the countries of the Sudan-Sahel region, the article examines the dynamics of terrorism in the region, highlights the periods of its development, identifies the spatial and temporal shifts and changes that have occurred. The current place of the region in the global trends in the development of terrorism is determined, the leading countries, terrorist organizations and hotbeds of conflict affecting terrorism in the Sahel are identified. As part of the study of regional features of terrorist activity, using the cartographic method and spatial and temporal analysis tools, specific territorial centers of terrorism were identified, as well as terrorist clusters – Chad, Central, Eastern, Coastal, Tuareg, Darfur and South Sudan.

Keywords:

terrorist activity, terrorism, Africa, Sudan-Sahel region, ethnodemographic factors, national security, political conflicts

For citation:

Suprunchuk IP, Zhirenko GN, Savchenko AA. Ethnodemographic factors of terrorist activity development in the Sudan-Sahel region. Science. Innovations. Technologies. 2025;(2):81-112. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2308-4758.2025.2.4>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.01.2025;
approved after reviewing 25.04.2025;
accepted for publication 19.06.2025.

Введение

На современной политической карте мира можно отметить большое количество конфликтных регионов, зон интересов различных стран, «горячих точек» вооруженных конфликтов. Представляется особенно важным выделение наиболее кризисных конфликтогенных территорий мира и изучение факторов, формирующих в них политическую нестабильность. К перечню таких критических регионов мира относится Судано-Сахельский регион. Для этого региона характерны низкий уровень экономического развития, слабость политических институтов, полиэтнический состав населения и продолжающийся демографический взрыв.

С начала XXI века наблюдается активизация террористической деятельности, во многих странах происходит внутренний социально-политический кризис. Необходимо иметь в виду значимость этих огромных территорий как транзитной зоны, в том числе миграционной, для всей Африки большой природно-ресурсный и демографический потенциал, а также серьезные риски для безопасности соседних регионов в случае обострения различных конфликтов в Сахеле.

В современном мире сложно найти более «пёстрый» регион, с этнической чересполосицей в связке с острой геополитической ситуацией. Исходя из этого, в данной работе предпринимается попытка выделения этно-демографического фактора развития терроризма. Для этого потребовалось решить ряд последовательных задач. Во-первых, определить круг статистических показателей, отражающих развитие террористической деятельности и этно-демографические аспекты развития стран. Во-вторых, выявить и исследовать взаимосвязи между демографическим развитием и политической нестабильностью сахельских стран. В-третьих, на основе выделенных взаимосвязей провести дифференциацию стран Судано-Сахельского региона.

Материалы и методы исследований

Для данного исследования необходимостью выступает формулирование его территориальных рамок. Существует несколько различных подходов к определению границ изучаемого региона. В широком общегеографическом смысле Сахель представля-

ет собой переходную природную зону, характерную только для Африки, между пустыней Сахара на севере и саваннами на юге. Данную природную зону чаще всего ограничивают изогией в 400 мм осадков в год, при этом основным видом хозяйственной деятельности выступает кочевое животноводство [1]. Ввиду ее территориальной протяженности с запада на восток через весь континент (рис. 1) и характера экономического освоения, в последнее время для нее часто используют понятие «Судано-Сахельский коридор». В представленной работе с учетом общности многих социально-политических процессов и многоаспектной специфики отдельных стран под Судано-Сахельским регионом предлагается понимать совокупность 11 африканских государств, таких как Сенегал, Мавритания, Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Нигерия, Камерун, Чад, Судан, Южный Судан и Эритрея.

Странам, отдельным частям и территориям Судано-Сахельского региона посвящены многочисленные геополитические исследования. Так, актуальной для стран региона проблемой является принадлежность и экономическое использование богатых природных ресурсов – урана в Мали и Нигере [2], нефти в дельте реки Нигер [3] и в пограничных спорных районах Судана и Южного Судана [4]. При этом главным ресурсом для большинства местного населения выступают пастбищные угодья. Многие внутренние политические конфликты имеют исторические корни в противостояниях между скотоводческими племенами и земледельцами, а с учетом неблагоприятных климатических изменений могут только обостриться.

Важное место исследуемый регион занимает и в конфессиональном пространстве африканского континента. Для получивших независимость только во второй половине XX века африканских государств возникла проблема поиска идентичности, одной из главных основ которой стала религия. За последние 100 лет конфессиональная структура населения Африки кардинально преобразовалась. Если в начале XX века ведущее место на континенте занимали этнорелигии, второй религией был ислам, третьей – христианство, то к XXI веку лидером по числу верующих стало христианство протестантского направления, немного уступает ему ислам, а этнорелигии значительно сократили свою долю и стали третьими [5].

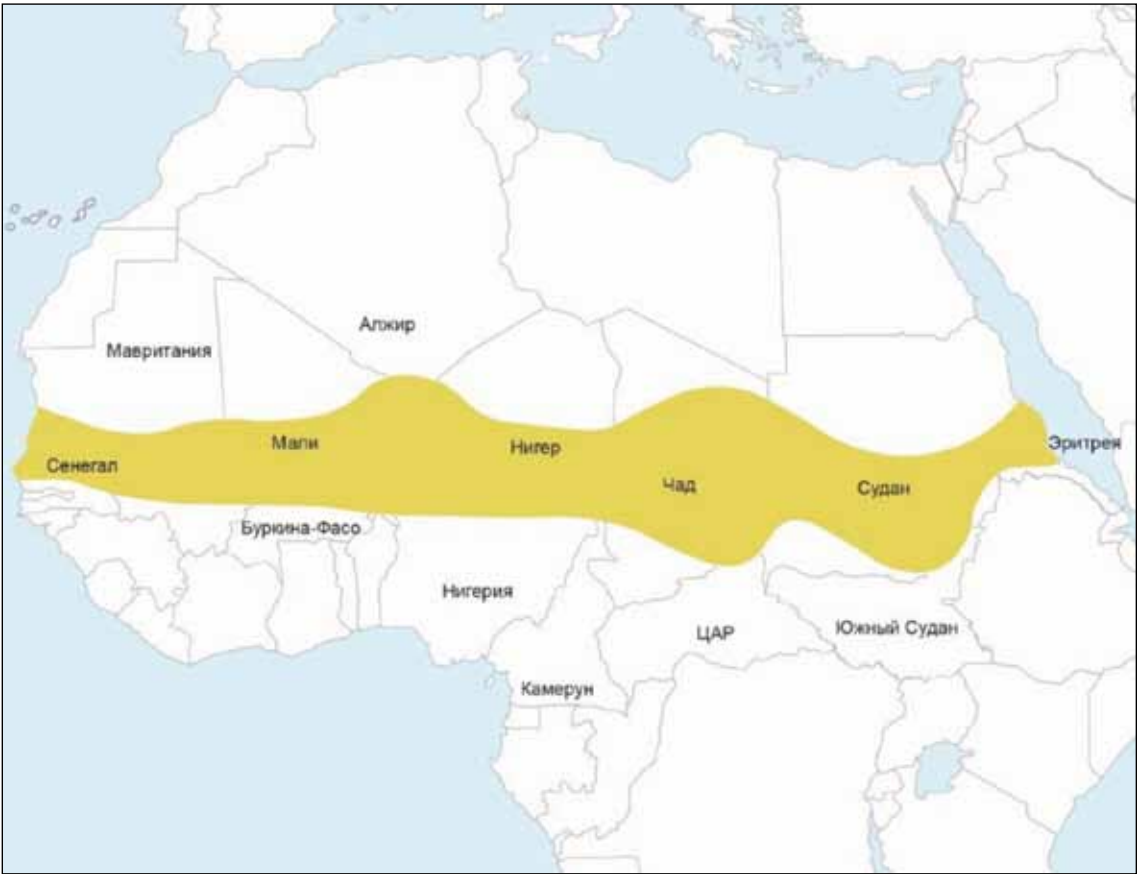

Рис. 1. Природная зона Сахель и страны Судано-Сахельского региона.
Fig. 1. The Sahel natural area and the countries of the Sudan-Sahel region.

В ходе этого масштабного «религиозного передела» между отдельными религиозными направлениями происходила серьезная конкурентная борьба за население африканских стран. При этом масштабные религиозные конфликты сформировались в странах Судано-Сахельского коридора, которые до сих пор претерпевают трансформацию конфессионального пространства и выступают условных рубежом между исламом и христианством на континенте [6]. Особенно ярко выраженный этно-религиозный конфликт с применением террористических методов и большим числом жертв наблюдается на северо-востоке Нигерии [7].

Важным для данного исследования выступает вопрос оценки геополитического положения и внутренней политической ситуации стран Судано-Сахельского региона. Наиболее качественным для такой характеристики выступает геополитический концепт «пояс переворотов». Под ним понимаются страны Африки с наибольшей частотой попыток государственных переворотов. На текущий момент этот пояс собирает в единый регион все сахельские страны лучше, чем любые физико-географические, этнические или социально-экономические критерии. Исключение составляют только Сенегал, Эритрея и Южный Судан, хотя о двух последних говорить сложно, так как эти относительно молодые государства сами появились в результате гражданских войн в Эфиопии и Судане соответственно. Лидерами по числу переворотов в Сахеле выступают Судан, Нигерия, Нигер, Мавритания и Буркина-Фасо. Только за последние 3 года в регионе произошло шесть государственных переворотов.

Такая ситуация объясняется некоторыми авторами отсутствием социальной справедливости, слабыми институтами, безработицей и бедностью» [8]. Другие отмечают, что политическая нестабильность стала следствием колониализма, в рамках которого борьба местного населения за независимость приобрела вооруженный характер, а в последующем силовой метод решения внутренних проблем стал самым быстрым и доступным [9]. В результате слабость сахельских государств и их политическая неэффективность создали в регионе крупные очаги неуправляемых территорий [10]. Они часто становились базами для различных повстанческих и сепаратистских движений. Однако в начале XXI века на этих территориях начинают форми-

роваться местные террористические организации [11] и даже проникает международная террористическая сеть [12].

Под терроризмом в исследовании понимается социальное явление, которое основано на использовании насилия с целью нарастания атмосферы страха в обществе [13]. Данное явление реализуется через комплекс различных действий, главным из которых является террористический акт, эти действия в целом можно объединить в понятие «террористическая деятельность» [14]. По мнению авторов, высокий уровень террористической активности, как правило, свидетельствует о большом числе внутренних конфликтов и нерешенных противоречий в стране. Для формирования базы террористических данных использовалась статистика за период с 1970 по 2023 год, предоставляемая ведущими мировыми исследовательскими центрами политического и вооруженного насилия – National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism [15], Uppsala Conflict Data Program [16] и Armed Conflict Location & Event Data [17]. Среди этно-демографических показателей за тот же временной период анализировались динамика численности населения, суммарный коэффициент рождаемости, доля городского населения, коэффициент демографической нагрузки, ожидаемая продолжительности жизни и индекс этнической мозаичности. Следует отметить, что выбор индикаторов был обусловлен в том числе наличием и доступностью статистических данных о сахельских странах в международных организациях – Справочном бюро по народонаселению ООН [18] и Всемирном банке [19]. Для выделения и изучения взаимосвязей были применены такие статистические и математические методы как ранжирование и группировка, корреляционный анализ, многофакторный анализ.

Результаты исследований и их обсуждение

Численность населения Судано-Сахельского региона на 2023 г. составляет 438 млн человек, что делает его крупнейшим регионом Африки по населению. В его составе находится главная «демографическая супердержава» континента – Нигерия, численность населения которой приближается к 230 млн человек. Второй по численности населения страной является Судан (50 млн человек). Большинство остальных сахельских стран имеют значитель-

ную по общемировым меркам численность порядка 20–25 млн человек. Самыми малонаселенными странами Сахеля выступают Южный Судан (13 млн человек), Мавритания (5 млн человек) и Эритрея (4 млн человек).

Демографическая ситуация в Судано-Сахельском регионе в последние 60 лет характеризуется понятием «демографический взрыв», при котором в процессе воспроизводства населения снижение смертности происходит быстрее снижения рождаемости, что приводит к ускоренному увеличению численности населения. Как видно, население региона с 1960 г. увеличилось в более чем 5 раз, а население отдельных стран (Нигер, Чад и Судан) даже в 6–7 раз (табл. 1). Среднегодовой темп прироста во всех странах за изучаемое

Таблица 1. ЧИСЛЕННОСТЬ И ТЕМПЫ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СУДАНО-САХЕЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1960–2023 ГГ.
Table 1. Population size and growth rates of the countries of the Sudan-Sahel region in 1960–2023

Страна	Численность населения, млн чел (1960)	Численность населения, млн чел (2023)	Рост, % (2023/1960)	Средний годовой темп прироста, %
Сенегал	3,29	18,07	563,74	2,78
Мавритания	0,85	4,86	571,50	2,81
Мали	5,26	23,76	451,56	2,43
Нигер	3,38	26,20	773,14	3,30
Буркина-Фасо	4,82	23,02	476,79	2,51
Нигерия	45,13	227,88	504,85	2,60
Камерун	5,17	28,37	548,06	2,74
Чад	3,00	19,30	642,98	3,00
Судан	7,54	50,043	663,30	3,05
Южный Судан	2,95	13,05	441,89	2,42
Эритрея	1,00	3,75	372,80	2,12
Регион в целом	82,36	438,34	532,21	2,69

Источник: по данным [16].
Source: according to data [16].

время составил 2–3%, и на данный момент Сахель в относительных показателях является лидирующим регионом в мире по росту численности населения.

Страны Сахеля оказались в «демографическом взрыве» позднее почти всех стран мира, общий пик пришелся на 1970–1990-е гг., а ощутимое снижение рождаемости стало фиксироваться только с 2000-х гг. (рис. 2). Оставаясь на сегодняшний день мировыми лидерами по суммарному коэффициенту рождаемости (СКР), страны региона заметно отличаются особенностями своей демографической динамики. Так, для Эритреи, Судана, Камеруна, Мавритании, Сенегала и Южного Судана можно говорить о прохождении пика демографического взрыва и постепенном снижении показателей рождаемости и темпов роста населения. Также в последние десятилетия снижается СКР в Нигерии, Буркина-Фасо, Чаде и Мали, хотя в них он до сих пор не опустился ниже уровня в 5 детей на женщину. При сохранении таких темпов снижения естественного прироста численность населения этих стран продолжит расти на протяжении всего XXI века.

В данном контексте важными для демографической оценки стран выступают показатели ожидаемой продолжительности жизни и демографической нагрузки (рис. 3). Рост средней ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) наблюдался во всех странах Сахеля (рис. 3Б). С 1960 г. она увеличилась в 2 раза, перешагнув в таких странах, как Сенегал, Эритрея и Судан, отметку в 65 лет. Показатель ОПЖ в каждой стране можно рассматривать как отображение уровня здравоохранения, но не стоит забывать, что его снижение часто обосновано большим количеством смертей в молодом и среднем возрасте в ходе военных конфликтов и террористической деятельности.

Наконец, коэффициент демографической нагрузки позволяет качественно изучить возрастную структуру населения исследуемых стран (рис. 4А). Очевидно, что рекордный уровень рождаемости в совокупности с невысоким средним показателем ОПЖ определяют «молодость» населения сахельских стран. Так, следуя доступной международной статистики, средний возраст населения всех стран кроме Мавритании ниже 20 лет, а Нигер является самой молодой

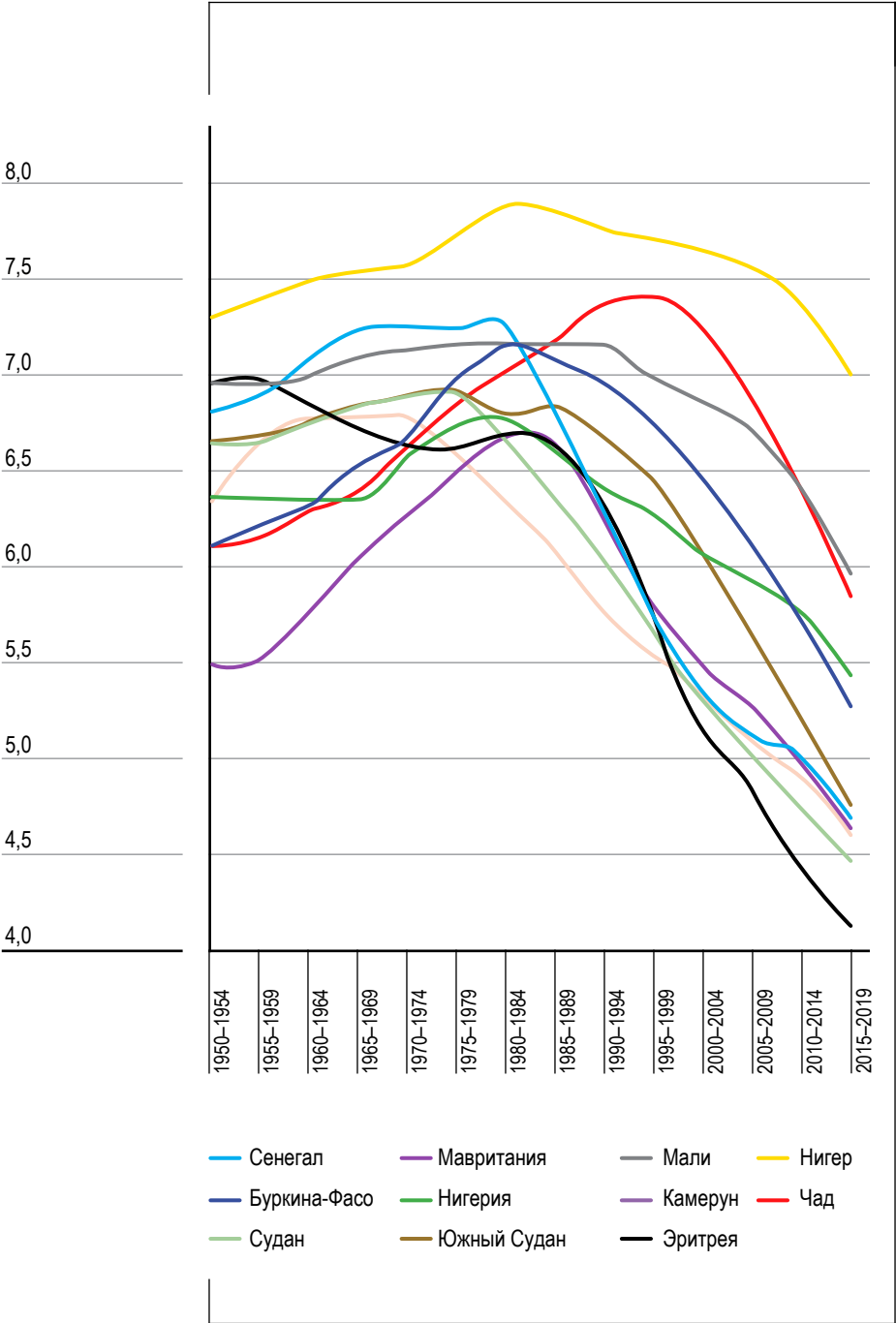

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) стран Судано-Сахельского региона в 1950–2020 гг.
Fig. 2. The total fertility rate of the countries of the Sudan-Sahel region in 1950–2020.

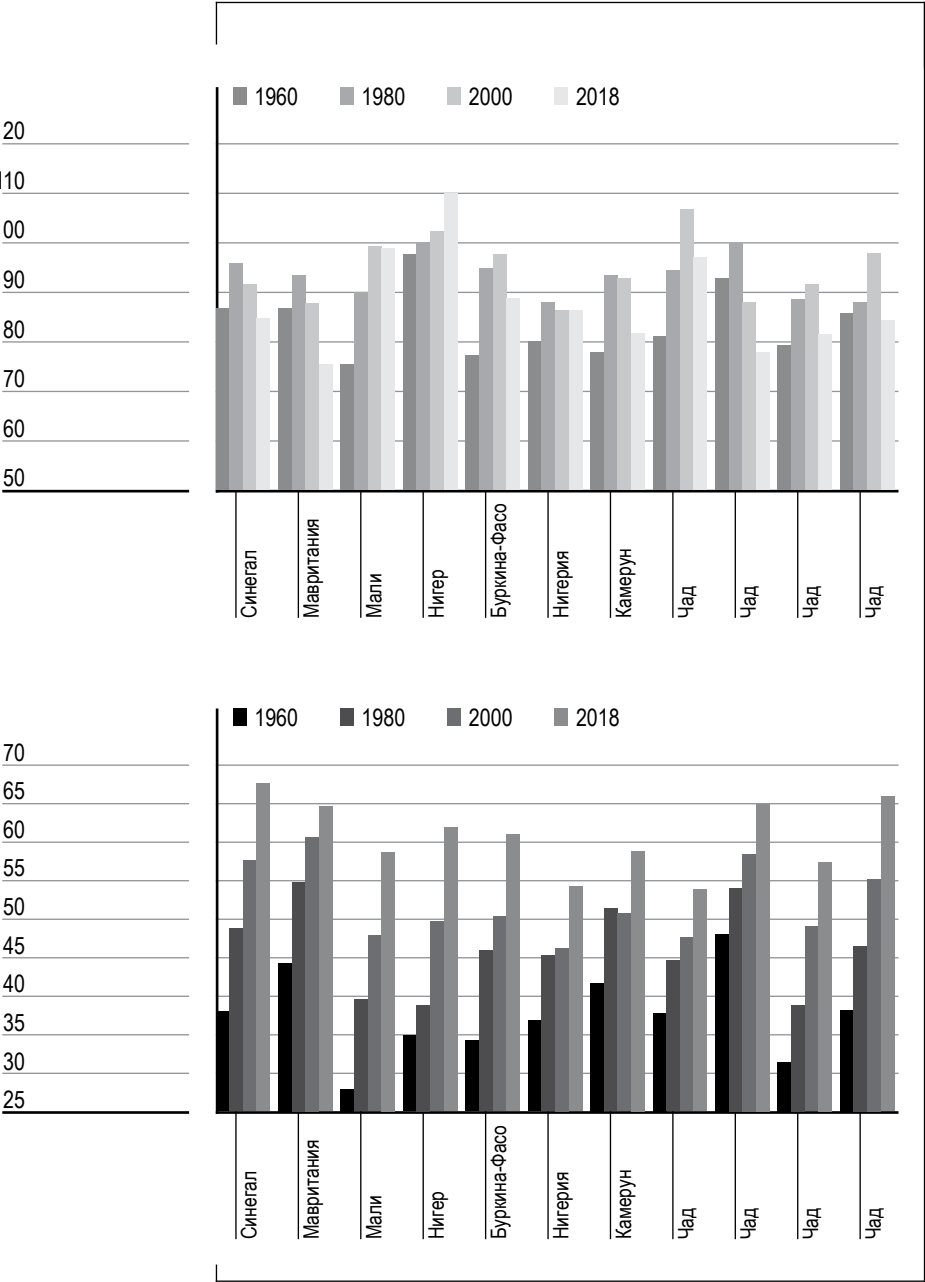

Рис. 3. Козэффициент демографической нагрузки (А) и ожидаемая продолжительность жизни (Б) в странах Судано-Сахельского региона в 1960–2019 гг.
Fig. 3. Demographic load factor (A) and life expectancy (B) in the countries of the Sudan-Sahel region in 1960–2019.
Источник: [19].
Source: [19].

страной мира со средним возрастом 14–15 лет [18]. В результате возрастает демографическая нагрузка на трудоспособное население в основном за счет большой массы молодежи. Сегодня максимальный уровень демографической нагрузки фиксируется в Нигере – 110 нетрудоспособных по возрасту на 100 трудоспособных граждан. Незначительно уступают по этому показателю Мали, а Чад и Судан в аналогичной ситуации находились в предыдущие периоды.

С теоретической точки зрения, коэффициент демографической нагрузки для всех стран Судано-Сахельского региона можно характеризовать позитивно, так как в ближайшем будущем в трудоспособном возрасте окажутся огромные по численности поколения. Сахельские страны получают возможность реализовать свой демографический дивиденд как потенциал экономического роста в условиях превышения доли трудоспособного населения в стране доли иждивенцев. В реальности страны Сахеля явно отличаются по социально-экономическому устройству от реализовавших свой дивиденд во второй половине XX века азиатских стран [20]. В данном случае актуальнее говорить о большой демографической угрозе для региона, заключающейся в невозможности трудоустройства и достойной социализации взрослеющего сейчас молодого поколения в условиях неразвитой экономики и низкой политической стабильности.

Рассмотрев особенности демографического развития стран Судано-Сахельского региона как базовые, необходимо изучить вопросы расселения в регионе, которые также могут влиять на социально-политическую стабильность. Так, одним из факторов, определяющих течение социальных и политических процессов, является урбанизация. Чаще всего именно города фокусируют экономическое и культурное развитие, становятся «точками кипения» разнообразных противоречий и конфликтов в обществе. Судано-Сахельский регион в целом является слабо урбанизированной территорией. К 2020 г. доля городского населения в нем составляет лишь 44 % (табл. 2). Характерной чертой выступает и низкая доля жителей крупных городов (более 250 тыс. человек) в населении региона – менее 19 %. Крайне мало для региона с населением более 430 млн человек крупных городских населенных пунктов: 72 города, из которых только 23 являются городами-миллионерами. На страновом уровне можно говорить о большой диспропорции в развитии городов.

Таблица 2. УРОВЕНЬ УРБАНИЗАЦИИ СТРАН СУДАНО-САХЕЛЬСКОГО РЕГИОНА В 2020 Г.
Table 2. The level of urbanization of the countries of the Sudan-Sahel region in 2020

Страна	Доля городского населения, %	Доля крупногородского (250+ тыс. чел.) населения, %	Количество крупных городов (250+ тыс. чел.) / из них миллионеров
Сенегал	48,1	32,2	7 / 2
Мавритания	55,3	29,3	1 / 1
Мали	43,9	20,0	2 / 1
Нигер	16,6	6,6	3 / 1
Буркина-Фасо	30,6	14,2	2 / 1
Нигерия	51,9	19,8	36 / 11
Камерун	57,5	33,4	7 / 2
Чад	23,5	10,2	1 / 1
Судан	35,2	15,1	9 / 3
Южный Судан	20,1	8,5	3 / 0
Эритрея	41,3	16,5	1 / 0
Регион в целом	44,3	18,8	72 / 23

Источник: по данным [19].
Source: according to data [19].

Принимая в расчет общий низкий уровень урбанизации и специфику экономического уклада стран, можно выделить два урбанистических очага в регионе – западный (Сенегал и Мавритания) и центральный (Нигерия и Камерун). Все перечисленные страны, за исключением Сенегала, совершили урбанизационный переход, в совокупности концентрируют на своей территории 2/3 всех крупных городов Сахеля, часть из которых образуют городские агломерации. Главной географической особенностью городской сети Судано-Сахельского региона выступает неосвоенность огромных территорий. Крупные города отсутствуют на севере Мали, Мавритании и Нигера, между столицами Чада и Судана нет крупных городов на протяжении более 2000 км. Такой характер городского расселения в регионе имеет под собой не только чисто демографические

и экономические причины, сильными факторами выступают природные и исторические условия. Выделенная специфика городского развития в странах Сахеля будет отражаться и на политических процессах.

Одним из факторов политической нестабильности во всех странах и регионах мира является сложный этнический состав населения. Для Африки в целом, с ее колониальным прошлым, искусственностью границ, демографическим взрывом и слабыми политическими институтами этнический фактор крайне важен. Судано-Сахельский регион не составляет в данном случае исключения, на его территории происходили и происходят этнические конфликты разной интенсивности и масштаба. При взгляде на этническую карту региона (рис. 4) становится очевидна мозаичность и чересполосное расселение народов.

Не вдаваясь в этническую историю Судано-Сахельского региона, осложненную недостаточной статистической базой, выделим главные этногеографические особенности территории. Во-первых, в регионе проживают народы, относящиеся к трем этнолингвистическим семьям – нигеро-кордофанской, нило-сахарской и афразийской. Сильно упрощая, можно сказать, что крупнейшая по численности семья – нигеро-кордофанская преимущественно расселена в западной части Сахеля, нило-сахарская – в восточной и центральных частях, афразийская – в северной части. При этом на страновом уровне этническая структура населения выглядит довольно сложной.

Эту сложность во многом сформировали историко-экономические условия. Являясь исторически зоной преимущественно кочевого скотоводства и транзитной торговли между Северной Африкой и Средиземноморьем, с одной стороны, Тропической Африкой и Ближним Востоком – с другой, Судано-Сахельский регион характеризовался бурными этническими процессами. Еще в доколониальный период образовались многие географические черты расселения народов – дисперсное очаговое расселение кочевых народов, арабское проникновение в страны, граничащие с Северной Африкой, стягивание земледельческих народов к речным долинам. Колониальная эпоха также значительно повлияла на этническую карту региона. С одной стороны, закрепила отдельные территории за конкретными народами, с другой стороны – создала и не решила ныне

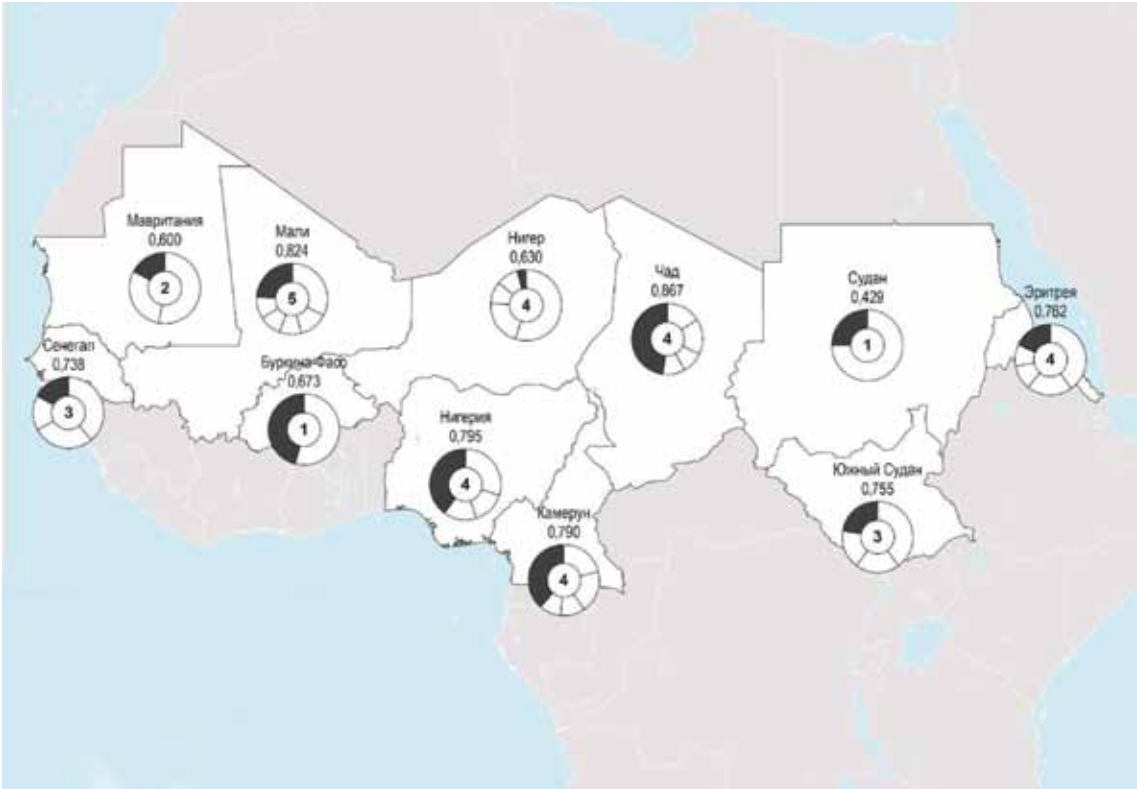
Рис. 4. Расселение основных этнических групп и этносов в странах Судано-Сахельского региона.
Fig. 4. The communities of main ethnic groups in the countries of the Sudan-Sahel region.

актуальные этнические противоречия, к примеру, проблему туарегской независимости [21].

Для качественной оценки этнической структуры стран Судано-Сахельского региона был рассчитан индекс этнической мозаичности (ИЭМ) (рис. 5). В соответствии с классификацией этноконтактных зон А.Г. Манакова по величине индекса выделяются: наиболее полиэтничные (более 0,6), ярко выраженные (от 0,4 до 0,6) и неярко выраженные (менее 0,4) [20]. Все страны Сахеля, за исключением Судана и Мавритании, являются наиболее полиэтничными. Среди них выделяется два лидера – Мали и Чад, в этнической структуре которых помимо 4–5 основных народов имеются и многочисленные национальные меньшинства. За ними по величине ИЭМ расположились Нигерия и Камерун, отличающиеся только повышенной долей первого по численности народа в стране.

Такой высокий уровень полиэтничности неоднократно выражался в виде открытых военных конфликтах с этнической компонентой – гражданские войны в Чаде, туарегский сепаратизм в Мали, попытки этнического сепаратизма в Нигерии (Биафра, Огониланд, Арева), непризнанное государство Амбазония в Камеруне. Однако в сахельском регионе можно найти примеры стран с сопоставимой полиэтничностью с разной политической судьбой. Три страны – Сенегал, Южный Судан и Эритрея имеют почти равные показатели ИЭМ, а в этнической структуре основные народы представляют одну этнолингвистическую семью: нигеро-кордофанскую в Сенегале, нило-сахарскую в Южном Судане и афразийскую в Эритрее. При этом Сенегал и Эритрея – острова политической стабильности в регионе, с минимальным уровнем терроризма и отсутствием внутренних вооруженных противостояний. Южный Судан, напротив, после получения независимости от Судана в 2011 году почти сразу оказалась в ситуации гражданской войны между крупнейшими этносами – динка, нуэр, шиллук и мурле.

Судано-Сахельский регион занимает заметное место на террористической карте мира. Его доля в общемировом числе терактов составляет 7 %, по числу жертв – 13 %. В регионе находится один из мировых лидеров по интенсивности террористической деятельности в XXI веке Нигерия, активно и массово развивается терроризм в Мали, Камеруне, Буркина-Фасо и Нигере.

Этническая структура населения

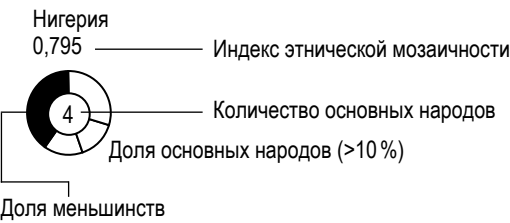

Рис. 5. Этническая структура населения стран Судано-Сахельского региона.
Fig. 5. The ethnic structure of the population of the countries of the Sudan-Sahel region.

Таблица 3. АБСОЛЮТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАНАХ СУДАНО-САХЕЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1970–2023 гг.
Table 3. Absolute indicators of terrorist activity in the countries of the Sudan-Sahel region in 1970–2023

	Количество терактов	Количество жертв (человек)
Нигерия	6343	36919
Судан	1065	4851
Мали	1278	7985
Камерун	1079	4733
Буркина-Фасо	784	5844
Южный Судан	323	3983
Нигер	461	4863
Чад	146	2105
Сенегал	125	669
Мавритания	19	72
Эритрея	16	76
Всего	11639	72100

Источник: по данным [15].
Source: according to data [15].

Главным центром терроризма по абсолютным показателям (табл. 3) выступает Нигерия, которая также занимает 1 место в Африке и стабильно входит в ТОП-10 в мире. Основой такого уровня развития терроризма стало сочетание совокупности факторов – этнические конфликты, религиозный экстремизм на северо-востоке страны, столкновение экономических интересов в районах нефтедобычи. Условный «второй эшелон» распространения терроризма составляют Судан, Мали, Камерун и Буркина-Фасо. В этих странах терроризм главным образом отражал этнический сепаратизм, который в свою очередь развивался по разным сценариям. Наименее затронуты терроризмом в регионе Мавритания и Эритрея.

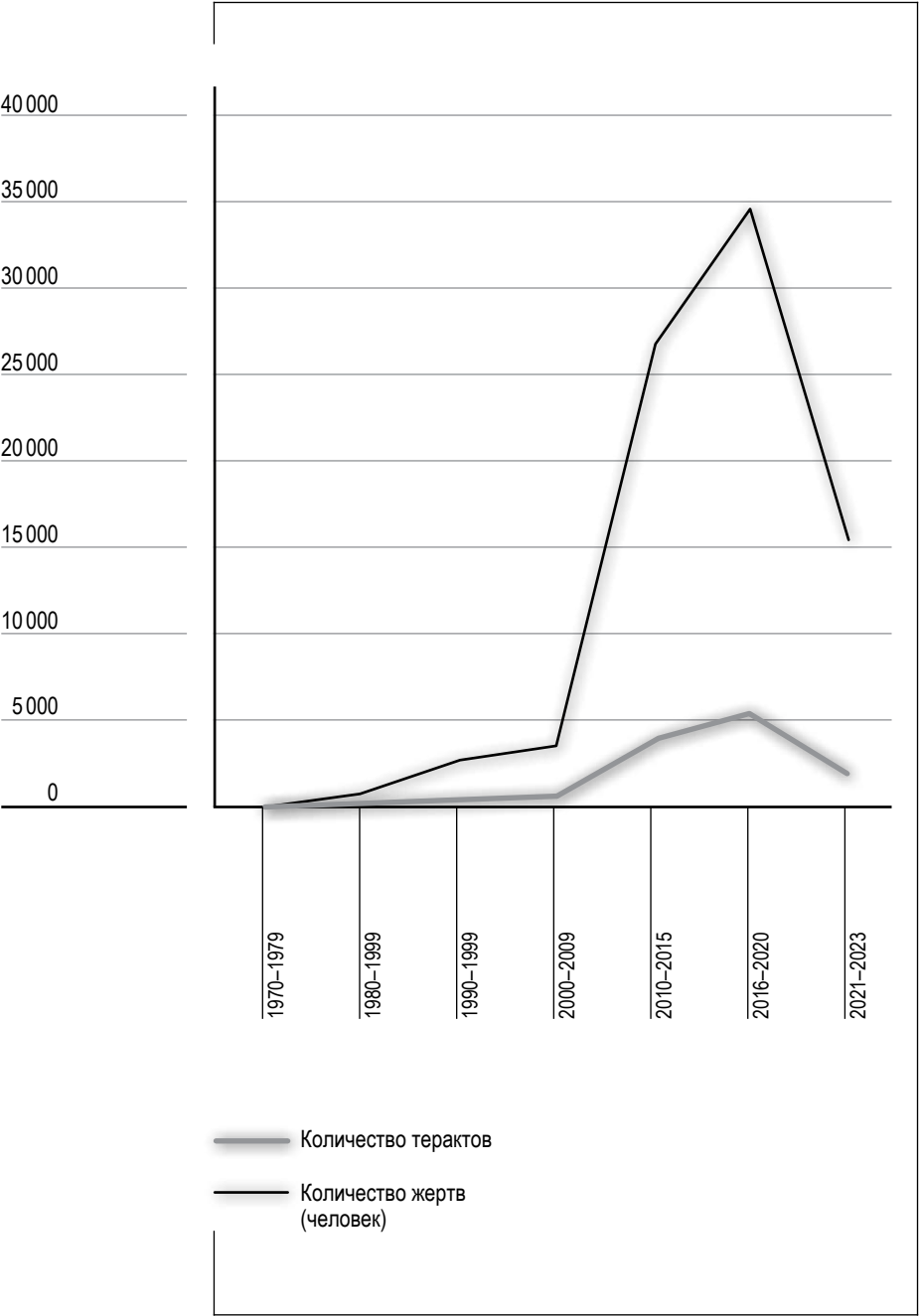

Рис. 6. Динамика террористической деятельности в Судано-Сахельском регионе в 1970-2023 гг.
Fig. 6. The dynamics of terrorist activity in the Sudan-Sahel region in 1970-2023.
Источник: по данным [15].
Source: according to data [15].

Активный рост террористической активности в регионе пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Основными кризисами, формирующими «террористическую среду», стали: Суданская гражданская война 1983–2005 гг., геноцид в Руанде в 1994 г., гражданская война в Сомали, длящаяся с 1991 г., возобновление гражданской войны в Чаде в 2005 г., конфликт с 2004 г. в дельте Нигера [23]. В 2000–2010-е гг. многие африканские страны пережили заметные трансформации религиозного состава населения (в Нигерии число мусульман увеличилось в 2 раза), в том числе за счет миграций приверженцев ислама с территорий других государств. В это же время обостряется ситуация с сепаратизмом в Мали и Камеруне, в районе озера Чад формируется террористический район, контролируемый исламским радикальными группировками.

Доля отдельных стран в объеме террористических жертв в регионе дифференцирована и динамична (рис. 7). На протяжении 1970–1979 гг. террористическая деятельность в регионе только начинала свое развитие, в большинстве стран фиксируются лишь эпизодические проявления терроризма. В период 1980–1989 гг. отмечается рост террористической активности в регионе и выходом на ведущие роли Судана, Нигерии и Сенегала. В первой пятёрке сохраняют свои позиции Чад и Нигер. В 1990–1999 гг. в условиях продолжающегося роста террористической активности сохраняются страны-лидеры прошлых лет. На первое место выходит Нигерия, в которой происходят активные исламские мятежи. Появляются страны, ранее не отличавшиеся активной террористической деятельностью – Эритрея, Мали и Камерун.

2000–2009 годы отмечены сохранением лидерства Нигерии и Судана. Период 2010–2015 гг. интересен несколькими моментами. Активное и заметное увеличение количества террористических актов по сравнению с предыдущими периодами. Происходит рост терроризма в Судане и Мали. Остальные страны сохранили свои позиции с прошлого периода. Можно говорить о некой стабилизации «террористической карты» Судано-Сахельского региона. В 2016–2020 гг. ярко выражено увеличение объемов терроризма в Камеруне, Буркина-Фасо и Южном Судане. В 2021–2023 гг. отмечается снижение количества терактов, при этом Буркина-Фа-

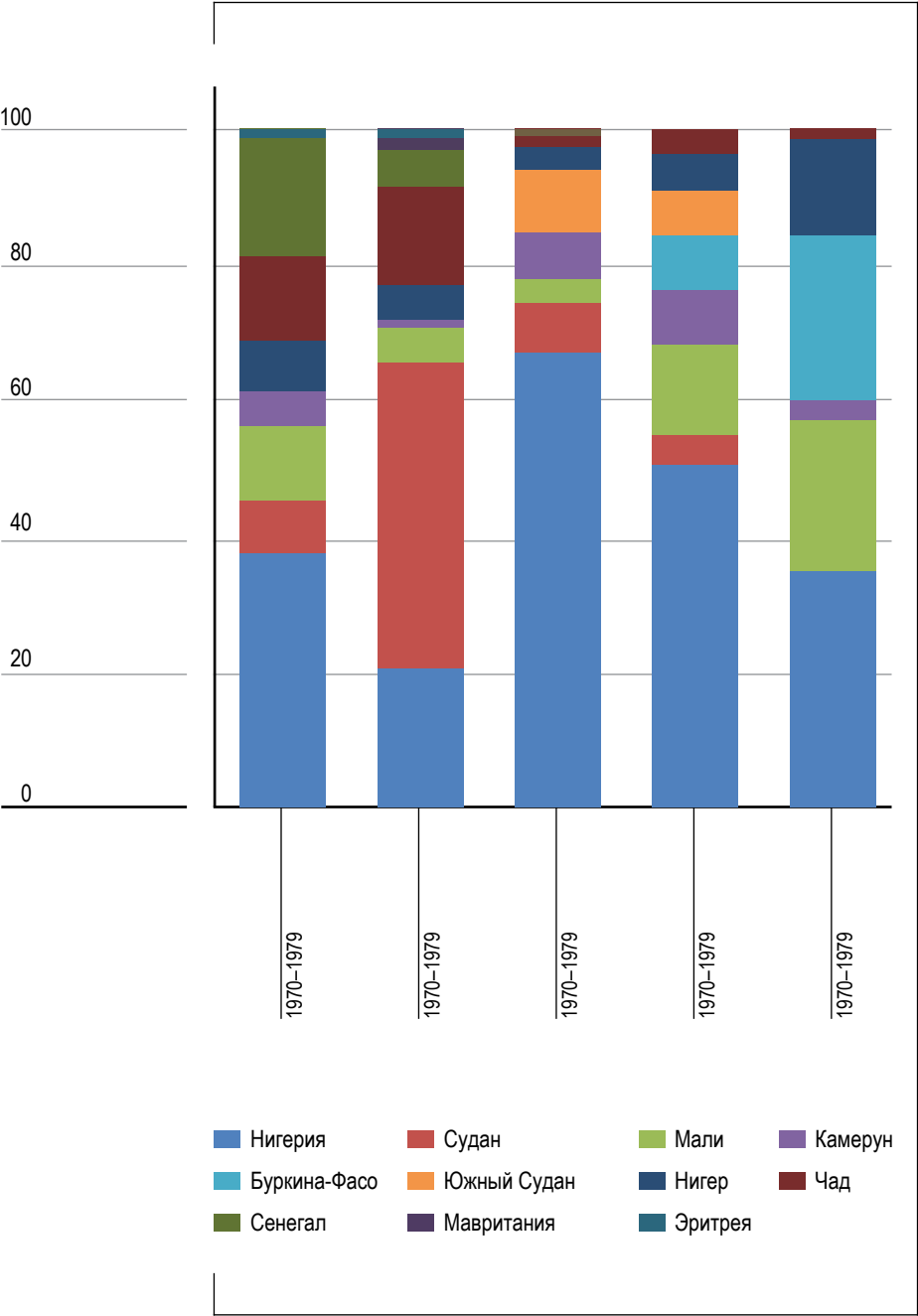

Рис. 7. Внутрорегиональная структура жертв терроризма в Судано-Сахельском регионе в 1990-2023 гг.
Fig. 7. Intraregional structure of victims of terrorism in the Sudan-Sahel region in 1990-2023.
Источник: по данным [15].
Source: according to data [15].

со выходит на ведущие позиции. Выделяется «пятёрка лидеров» в Судано-Сахельском регионе: Нигерия, Буркина-Фасо, Мали, Нигер и Камерун.

Статистическая база исследования позволила выделить террористические центры региона (рис. 8) и изучить их географию. Наиболее развитый с точки зрения интенсивности и плотности террористической деятельности кластер сложился в районе озера Чад, в месте схождения границ четырех стран Сахеля – Чада, Камеруна, Нигера и Нигерии. В основе этого лежит функционирование самой известной и мощной террористической организации Африки – «Боко Харам». Фактически она является трансграничной, периодически перенося свою деятельность из одной страны в другую, при этом умело пользуясь внутривосточными конфликтами [24]. Чадский террористический кластер затрагивает следующие территории: в Камеруне – Крайнесеверный и Северо-Западный регионы; в Чаде – регионы Лак и Нджамена; в Нигере – регион Диффа; в Нигерии – штаты Борно и Адамава.

С точки зрения объема террористической деятельности, важнейшими после Чадского, выступают внутренние террористические кластеры Нигерии: Центральный, Восточный и Прибрежный. Исторически самым первым стал Восточный (штаты Тараба, Риверс и Бенуэ, а также соседний Юго-Западный регион Камеруна), который был связан с этническим сепаратизмом. Практически сразу после обретения независимости Нигерией в пограничной области с Камерун вспыхнул конфликт – образовалась самопровозглашенная Республика Биафра на основе сепаратизма народности игбо. Эти события дестабилизировали и соседние территории Камеруна, на которых с 1990-х гг. возникло еще одно непризнанное государство – Республика Амбазония. Все эти конфликты, кроме военной составляющей, сопровождались и активной террористической деятельностью. Рядом с Восточным кластером на территории штатов Байельса и Дельта сформировался Прибрежный. В его основе – экономический конфликт интересов различных групп за нефтяные месторождения в дельте реки Нигер. Особый масштаб он имел на рубеже 1990–2000-х гг. и сопровождался диверсиями на нефтедобывающей инфраструктуре, похищениями и морским пиратством. Наконец, Центральный террористический кластер (штаты Кадуна,

Плато и Кано) является «экспортным» продолжением Чадском, на его территории радикалы-исламисты совершают крупный резонансные теракты.

Значимым для всего региона Сахель выступает Туарегский террористический кластер, охватывающий север и восток Мали и запад Нигера. Проблема, связанная с сепаратизмом туарегских племен, имеет еще колониальные корни, и была актуальна и после обретения независимости странами региона. В рамках последнего туарегского восстания 2012 года в конфликт на стороне туарегов включились почти все исламские террористические группировки Северной Африки [25]. В результате на некоторое время северо-восточная часть Мали (регионы Гао, Кидаль, Тимбукту и Менака) оказалась под их полным контролем, на этой территории было провозглашено государство Азавад [26]. Для военного решения конфликта потребовалась интервенция французских вооруженных сил в 2013 г., которая никак не сняла террористическую напряженность в регионе [27].

На востоке Судано-Сахельского региона можно выделить, как минимум, два террористических кластера – Дарфурский и Южно-Суданский, которые заметно отличаются от рассмотренных выше. Так, Дарфурский, охватывающий суданские регионы (Центральный Дарфур, Северный Дарфур, Южный Дарфур) и регионы Чада (Ваддай и Вади-Фера) формировался на базе этнического конфликта между «черным» и «арабоязычным» населением, которое поддерживало центральное правительство [26]. В силу специфики региона терроризм не стал главным средством борьбы, сразу уступив военным действиям и этническим чисткам с обеих сторон. Южно-Суданский кластер претерпел интересную эволюцию. В период 1970–1990-х гг. ведущим фактором был сепаратизм «черного» населения Южного Судана, который в итоге закончился отделением от Судана нового государства Южный Судан. При этом он не исчез, а трансформировался на почве межэтнического конфликта между народностями динка, нуэр и шиллук уже внутри Южного Судана. За пределами кластеров следует отметить очаги террористической деятельности в Буркина-Фасо, южном Сенегале, Нигере, центральном Мали.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько важных выводов.

1. В формировании политической нестабильности и развитии терроризма в регионе серьезную роль играют этнодемографические факторы, создающие точки внутреннего напряжения в обществе и повышающие конфликтогенные риски в странах Судано-Сахельского региона. К ним можно отнести рост числа несостоявшихся государств на континенте, прозрачность границ, насыщенность континента оружием, радикализацию ислама и значительный рост мусульманского населения, усиление социально-экономического неравенства, недовольство высоким уровнем коррупции, несправедливое распределение государственных доходов между центром и периферией, рост безработицы.
2. Динамика террористических показателей в регионе продолжает расти, происходит территориальный рост и расширение ареалов террористической деятельности. Сахель выступает главным регионом террористической нестабильности в Африке, и одной из критических опасных регионов развития терроризма в мире. На страновом уровне наибольшего развития терроризм достиг в Нигерии и в районе озера Чад.
3. Возможно выделить несколько террористических кластеров в Судано-Сахельском регионе – Чадский, Центральный, Восточный, Прибрежный, Туарегский, Дарфурский и Южно-Суданский. Они формировались под влиянием разных факторов, имеют разную динамику и особенности развития.

Список источников

1. Радченко Г. Ф. Страны Сахеля: Состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства. М.: Мысль, 1983. 261 с.
2. Filippov V. Uranium Factor in France's Foreign Policy towards

- Africa // National Security. 2015. No. 3. P. 386–400. <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2015.3.15671>
3. Ukiwo Uko. From "Pirates" to "Militants": a historical perspective on anti-state and anti-oil company mobilization among the Ijaw of Warri, Western NigerDelta // African Affairs. L. 2007. Vol. 106. No. 425. P. 587–610.
 4. Макутчев А. В. Война за ресурсы: абьеиский конфликт между Суданом и Южным Суданом // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). С. 46-50.
 5. Захаров И. А., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX-начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 3. С. 359–368.
 6. Захаров И. А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI веков: дисс. ... канд. геогр. наук, специальность 25.00.24 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география. Москва, 2019. 168 с.
 7. Овсянникова Я. А. Деятельность «Боко Харам» как фактор дестабилизации положения в Западной Африке // Academy. 2019. № 6 (45). С. 116–119.
 8. Danjibo N. D. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // The Strategic Review for Southern Africa. 2013. Vol. 35. No. 2. P. 16–34. <https://doi.org/10.35293/srsa.v35i2.135>
 9. Attiya I. Li-tahdid al-munazamat wa al-irhab: masadir jadida li-tahdid al-amn fi Ifriqiya. Macallatul-buhus waddirasatil-qanuniyya was-siyasiyya // Journal of Legal and Political Research. 2017. No. 8. P. 53–70.
 10. Nyadera I., Massaoud H. Elusive Peace and the Impact of Ungoverned Space in the Sahel Conflict // Güvenlik Bilimleri Dergisi. 2019. Vol. 8. No. 2. P. 271–288. <https://doi.org/10.28956/gbd.646327>
 11. Dentice G. Terrorism in the Sahel Region: An Evolving Threat on Europe's Doorstep. Euromesco: Policy Brief, 2018. No. 80. P. 1–14.
 12. Нечитайло Д. А. «Аль-Каида» в Африке // Азия и Африка сегодня. 2007. № 11. С. 25–28.
 13. Супрунчук И. П. География терроризма. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 188 с.

14. Супрунчук И. П., Белозеров В. С., Полян П. М. Пространственно-временной анализ террористической активности: подход к исследованию и региональные особенности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 3. С. 32–44. <https://doi.org/10.7868/S0373244417030033>
15. The Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 24.02.2025).
16. Uppsala Conflict Data Program. URL: <https://ucdp.uu.se> (accessed: 20.02.2025).
17. Armed Conflict Location & Event Data. URL: <https://acleddata.com> (accessed: 22.02.2025).
18. Справочное бюро по народонаселению ООН. URL: <https://www.prb.org> (дата обращения: 22.02.2025).
19. Всемирный банк World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 24.02.2025).
20. Bloom D. E., Williamson J. G. Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia. Working Paper 6268. Cambridge, 1997. M.A. NBER. <https://doi.org/10.3386/w6268>
21. Корендясов Е. Н. Кризис в Республике Мали. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования. М.: Институт Африки РАН. 2013. С. 304–327.
22. Манаков А. Г. Динамика этнической мозаичности территорий Северо-Западной России в 1897–2010 гг. // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 72–83. <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>
23. Howard T. Failed states and the spread of terrorism in Sub-Saharan Africa // Studies in conflict and terrorism. 2010. Vol. 33. No. 11. 960–988.
24. Warner J. Sub-Saharan Africa's Three New Islamic State Affiliates. CTC Sentinel. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 28-32.
25. Zimmerer M. Terror in West Africa: A Threat Assessment of the New Al Qaeda Affiliate in Mali. Critical Studies on Terrorism. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 491–511. <https://doi.org/10.1080/17539153.2019.1599531>
26. Филиппов В. Р. Азавад – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 214–227. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-11>
27. Мезенцев С. В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция

- «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3–28.
28. Сизов С. Г., Малов Д. В. Историко-культурные и политические факторы межэтнических отношений на территории Северного и Южного Судана // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 340–345.

References

1. Radchenko GF. Sahel countries: The state of the natural environment and problems of agricultural development. Moscow: Mysl; 1983. 261 p. (In Russ.).
2. Filippov V. Uranium Factor in France's Foreign Policy towards Africa. National Security. 2015;(3):386-400. <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2015.3.15671>
3. Ukiwo Ukoha. From "Pirates" to "Militants": a historical perspective on anti-state and anti-oil company mobilization among the Ijaw of Warri, Western NigerDelta. African Affairs. L. 2007;106(425):587-610.
4. Makutchev AV. War for resources: Abyel conflict between Sudan and South Sudan. Scientific notes of Orel State University. 2019;1(82):46-50. (In Russ.).
5. Zakharov IA, Gorokhov SA, Dmitriev RV. Transformation of African Religious Landscape in the 20th and Beginning of the 21st Century. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. 2020;84(3):359-368. (In Russ.).
6. Zakharov IA. Transformation of the confessional space of Africa in the XX – early XXI centuries. Dissertation of cand. geogr. sciences, specialty 25.00.24 Economic, social, political and recreational geography. Moscow; 2019. 168 p. (In Russ.).
7. Ovsyannikova YaA. Boko Haram activities as a factor of destabilization of the situation in West Africa. Academy. 2019;6(45):116-119. (In Russ.).
8. Danjibo ND. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. The Strategic Review for Southern Africa. 2013;35(2):16-34. <https://doi.org/10.35293/srsa.v35i2.135>
9. Attiya I. Organized Crime and Terrorism: New Sources of Security Threats in Africa. Journal of Legal and Political Research. 2017;(8):53-70. (In Arab.).
10. Nyadera I, Massaoud H. Elusive Peace and the Impact of Un-governed Space in the Sahel Conflict. Güvenlik Bilimleri Der-

- gisi. 2019;8(2):271-288. <https://doi.org/10.28956/gbd.646327>
11. Dentice G. Terrorism in the Sahel Region: An Evolving Threat on Europe's Doorstep. Euromesco: Policy Brief. 2018;(80):1-14.
 12. Nechitailo DA. "Al-Qaeda" in Africa. Asia and Africa today. 2007;(11):25-28. (In Russ.).
 13. Suprunchuk IP. Geography of terrorism. Stavropol: NCFU Publishing House; 2020. 188 p. (In Russ.).
 14. Suprunchuk IP, Belozerov VS, Polyaniy PM. Spatial-temporal analysis of terrorist activity: approach to the study and regional peculiarities. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. 2017;(3):32-44. (In Russ.).<https://doi.org/10.7868/S0373244417030033>
 15. The Global Terrorism Database. Available from: <https://www.start.umd.edu/gtd/> [Accessed 24 February 2025].
 16. Uppsala Conflict Data Program. Available from: <https://ucdp.uu.se> [Accessed 20 February 2025].
 17. Armed Conflict Location & Event Data. Available from: <https://acledata.com> [Accessed 22 February 2025].
 18. United Nations Population Information Bureau. Available from: <https://www.prb.org> [Accessed 22 February 2025].
 19. World Bank World Development Indicators. Available from: <https://databank.worldbank.org> [Accessed 24 February 2025].
 20. Bloom DE, Williamson JG. Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia. Working Paper 6268. Cambridge; 1997. M.A. NBER. <https://doi.org/10.3386/w6268>
 21. Korendyasov EN. The crisis in the Republic of Mali. Conflicts in Africa: causes, genesis and problems of settlement. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2013. P. 304-327. (In Russ.).
 22. Manakov AG. Dynamics of the ethnic mosaic of the territories of Northwestern Russia in 1897-2010. Regional studies. 2016;2(52):72-83. (In Russ.).<https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>
 23. Howard T. Failed states and the spread of terrorism in Sub-Saharan Africa. Studies in conflict and terrorism. 2010;33(11):960-988.
 24. Warner J. Sub-Saharan Africa's Three New Islamic State Affiliates. CTC Sentinel. 2017;10(1):28-32.
 25. Zimmerer M. Terror in West Africa: A Threat Assessment of the New Al Qaeda Affiliate in Mali. Critical Studies on Terrorism.

- 2019;12(3):491-511. <https://doi.org/10.1080/17539153.2019.1599531>
26. Filippov VR. Azawad As a Self-proclaimed Tuareg State. Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2021;14(1):214-227. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-11>
27. Mezentsev SV. Internal and international political aspects of the crisis in Mali and the French Operation Serval. Lomonosov World Politics Journal. 2014;(1):3-28. (In Russ.).
28. Sizov SG, Maslov DV. Historical, cultural and political factors of interethnic relations in Northern and Southern Sudan. Bulletin of Omsk University, 2012;1(63):340-345. (In Russ.).

Информация об авторах

Илья Павлович Супрунчук – кандидат географических наук, доцент департамента географии и геоинформатики Северо-Кавказского федерального университета, Scopus ID: 57199507380.

Галина Николаевна Жиренко – кандидат географических наук, доцент департамента географии и геоинформатики Северо-Кавказского федерального университета.

Анна Анатольевна Савченко – студентка 4 курса направления «География» департамента географии и геоинформатики Северо-Кавказского федерального университета.

Вклад авторов

Илья Павлович Супрунчук. Утверждение окончательного варианта – принятие ответственности за все аспекты работы, целостность всех частей статьи и ее окончательный вариант.

Галина Николаевна Жиренко. Подготовка и редактирование текста – составление черновика рукописи и формирование его окончательного варианта, участие в научном дизайне.

Анна Анатольевна Савченко. Проведение исследования – сбор, интерпретация и анализ полученных данных.

Information about the authors

Ilya P. Suprunchuk – Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Geography and Geoinformatics, North-Caucasus Federal University, Scopus ID: 57199507380.

Galina N. Zhirenko – Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, the Department of Geography and Geoinformatics, North-Caucasus Federal University.

Anna A. Savchenko – 4th year student, Geography Course, Department of Geography and Geoinformatics, North-Caucasus Federal University.

Contribution of the authors

Ilya P. Suprunchuk. Approval of the final manuscript – acceptance of responsibility for all types of the work, integrity of all parts of the paper and its final version.

Galina N. Zhirenko. Text preparation and editing – drafting of the manuscript and its final version, contribution to the scientific layout.

Anna A. Savchenko. Conducting research – data collection, analysis and interpretation.